

Маркова Т. Н. Художественные реконструкции Великой Отечественной войны в современной массовой литературе / Т. Н. Маркова // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 152—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-152-160.

Markova, T. N. (2019). Artistic Reconstruction of the Great Patriotic War in Modern Mass Literature. *Nauchnyi dialog*, 12: 152-160. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-152-160. (In Russ.).

УДК 821.161.1“1999/2012”:94(47).084.8+82-311.6

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-152-160

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© **Маркова Татьяна Николаевна (2019)**, orcid.org/0000-0001-7911-2424, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики обучения литературе, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (Челябинск, Россия), tn_markova@inbox.ru.

Рассматриваются варианты художественной реконструкции событий Великой Отечественной войны в современной массовой литературе. Материалом служат разножанровые тексты 2000-х годов: альтернативный вариант истории Великой Отечественной, вольные фантазии в мистическом духе, постмодернистская историческая мелодрама, роман-фэнтези, военно-фантастический экшн-боевик. Особое внимание уделяется национальным бестселлерам 2000-х: романам А. Тургенева (Вяч. Курицын) «Спать и верить: блокадный роман» и И. Бояшова «Танкист, или “Белый тигр”». Показано, что А. Тургенев в своем произведении соединяет легенды блокадного времени со штампами шпионского романа и любовной мелодрамы, И. Бояшову принадлежит рассказ о поединке русского танкиста и немецкого чудо-танка облекает в форму современного фэнтези. В статье утверждается мысль о том, что с уходом поколения фронтовиков война на наших глазах из живой памяти перемещается в хранилище сюжетов и образов для литературы и искусства, становится благодатным материалом для конструирования иной реальности. Высказывается гипотеза о том, что массовая литература, реконструируя факты и события недалекого прошлого, участвует в моделировании и переосмыслении идеологических и ценностных ориентиров общества и формировании новой идентичности.

Ключевые слова: массовая литература; Великая Отечественная война; альтернативно-историческая фантастика; новая идентичность.

1. Сближение исторических и фантастических нарративов

Во все времена история была и остается чрезвычайно притягательным предметом для изящной словесности. Связанные с нею мифы и легенды неизменно становятся площадкой для жанрово-стилевых экспериментов и многообразных версий прошлого. Поливариантность российской истории связана, в частности, с тем, что в отечественной гуманитарной науке XX века крепкие корни пустил антипозитивизм, отвергнувший попытки рационального объяснения прошлого. Наступившая эпоха релятивизма провозгласила множественность равноправных подходов к действительности. Переход общества от модерна к постмодерну ознаменовался в том числе утратой веры в метанарративы.

История России конца XX века и в особенности распад СССР со всей очевидностью обнажили глубину идеологического и аксиологического кризисов, вслед-

ствие чего произошло окончательное обрушение доверия к официальной исторической науке и к авторитарному слову вообще. Публикаторский бум рубежа 1980—1990-х годов, сделавший достоянием общественности ранее охраняемые грифом «секретно» документы и факты, был воспринят читающей публикой как прямое участие в восстановлении исторической истины. Знания о собственной истории российский читатель конца XX века черпал преимущественно из возвращенных литературных текстов, о чем справедливо писала критика [Иванова, 1999].

Однако тот факт, что овладевающая людьми информация не является окончательной, бесспорной исторической правдой, не означает, что она не может нарративизироваться. Бытующее в массовом сознании понимание исторических образов и ситуаций оказывается куда более приемлемым для читателя, чем точное следование историческим фактам. Иными словами, констатируемый наукой кризис исторического мышления можно рассматривать и как проявление всеобщего кризиса метанарративов. И. П. Смирнов в этой связи пишет: «История же ничто иное, как бесчисленное множество конкретных реализаций (performance) таких — поддающихся исчислению — структур в вербальных и поведенческих текстах» [Смирнов, 2000, с. 15]. Так история перестает быть целью и ценностью, а на сближении исторических и фантастических нарративов возникают все новые и новые, порой весьма неожиданные версии.

Такой «тип прозы, исследующий не состоявшиеся в реальности варианты истории нашего мира» С. И. Чупринин предлагает называть «альтернативно-исторической» [Чупринин, 2007, с. 43]. В качестве примера приведем анализируемые А. Немзером произведения конца XX века: «Остров Крым» В. Аксенова, «Роммат» Вяч. Пьецуха, «Москва 2042» В. Войновича, «Палисандрия» С. Соколова [Немзер, 2003, с. 19—42].

В период ломки стереотипов возникает потребность в осмыслении нового объекта исследования, каковым в нашем случае является альтернативно-историческая беллетристика в пространстве массовой литературы. Фантазии на исторические темы здесь представлены в широком диапазоне: от славянского и древнерусского фэнтези (М. Семенова) до исторических альтернатив глобальных событий XX века. Среди последних важное место принадлежит реконструкциям событий Великой Отечественной войны.

2. От «окопной правды» к фантазиям на военные темы

Новый взгляд на войну был подготовлен прозой и публицистикой В. Быкова и В. Астафьева, Д. Гранина и А. Адамовича, В. Богомолова и В. Кондратьева. Активный пересмотр официальной концепции Великой Отечественной войны в незначительной степени связан с открытием архивов, секретных документов и развернувшейся в связи с этим дискуссией историков и писателей. Начался мучительный процесс узнавания новой правды о войне. Прозой 1990-х годов были решительно отвергнуты и героико-патетическая, и лирико-романтическая традиции в изображении войны. В конце века наиболее востребованными тенденциями стали пацифизм (вспомним слова Л. Толстого: война есть «противное человеческому разуму и всей человеческой

природе событие») и беспощадный реализм («в крови, в страданиях, в смерти»), приобретающий порой предельно натуралистические формы [Маркова, 2015, с. 12].

С уходом писателей-фронтовиков — Виктора Астафьева, Владимира Богомолова, Василя Быкова, Даниила Гранина — закончилась военная проза, базировавшаяся на личном опыте, выстраданной «окопной правде». Подлинным завещанием потомкам стали их последние произведения: «Веселый солдат» В. Астафьева, «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» В. Богомолова, «Полюби меня, солдатик ...» В. Быкова, «Мой лейтенант» Д. Гранина. У послевоенного поколения знания о войне несут опосредованный, вторичный, книжный характер, у поколения «нулевых» — поверхностный, формирующийся преимущественно теле- и кинопродукцией.

Отсутствие подлинных свидетелей и очевидцев событий высвобождает поле для воображения, создает предпосылки для превращения истории в источник массовых сюжетов. Новые произведения представляют собой или вольные фантазии на тему Великой Отечественной, или попытки ее реконструкции. Одно из первых сочинений такого рода — двухтомная эпопея «Мифогенная любовь каст» (1999).

Авторы книги — художники-концептуалисты П. Пепперштейн и С. Ануфриев, провозгласившие себя основателями так называемого «психоделического реализма», — погружают читателя в параллельные миры, рисуя причудливые картины того, что происходит с героем после его исчезновения. Во время эвакуации заводского Дома культуры на Урал вследствие неожиданного смещения линии фронта (искривления пространства) открывается возможность существования в ином измерении, откуда, однако, герой шлет письма дочери. Очевидно, что война становится некой речевой фигурой, организующей виртуальное пространство, совершенно не связанное с репрезентацией конкретного исторического опыта.

Сергей Анисимов в романе «Вариант “Бис”» (2003) предлагает свой альтернативный вариант истории Второй Мировой, согласно которому в 1941 году Советский Союз оказался более готовым к вторжению немецко-фашистских войск, чем считают историки: в частности, флот СССР якобы располагал авианосцем «Чапаев», линейным крейсером «Кронштадт» и линкором «Советский Союз». В альтернативном мире «Вариант “Бис”» не было ни битвы под Москвой, ни блокады Ленинграда, но летом 1944 года в результате сепаратных переговоров Риббентропа с Западом образуется антисоветская коалиция западных государств. Американские и британские армии поворачивают танки на восток, а впереди союзников идут недобитые эсэсовские дивизии.

В исторической реконструкции Анисимова советская авианосная группа в Атлантике успешно действует против превосходящих сил противника, а советские войска на территории Германии перемалывают одну за другой немецкие, британские и американские дивизии. И никакой встречи на Эльбе. Идея противостояния с Западом в этом альтернативном 1945-м заострена до предела.

Обращение современного автора к недавнему прошлому связано с попыткой переиграть исторические события в свете актуальной геополитики. Повествование в романе строится на грани «официальной истории» и вновь создаваемого авторского мифа. Этот процесс называется «мифологизацией истории», он предполагает со-

знательную реконструкцию, переработку исторического события, модернизацию сюжета посредством привнесения свободы толкования и переосмысления исторических фактов.

3. Жанровые эксперименты в военной прозе

Особый интерес представляют трансформации традиционных для литературы прежних лет способов представления военной тематики, порождающие новые жанровые формы.

Постмодернистская историческая мелодрама. В шорт-лист премии «Национальный бестселлер» 2008 года вошел роман Андрея Тургенева (псевдоним Вячеслава Курицына) «Спать и верить: блокадный роман». Писатель привлекает большой массив документальных, мемуарных, художественных материалов: блокадные свидетельства, рассказы о подлинных фактах и событиях блокады. Действие романа разворачивается будто бы в реальном городе, зажатом кольцом блокады: в вымирающих коммуналках, в кабинетах Смольного, на замерзающих улицах. Но главные герои предстают как образные проекции авторских и бытующих в массовом сознании представлений о ленинградском блокадном прошлом.

В центре калейдоскопической композиции, образующейся из множественных осколков, оказывается командированный из Москвы полковник НКВД, готовящий покушение на главу города. Провокатор и предатель, движимый ненавистью к «издевательски красивому городу», «не предназначенному для обычного человеческого существования», он пишет Гитлеру послания с советами по уничтожению Ленинграда. Нетрудно заметить, что его бред и даже его провокации повторяют слова и действия героев А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, А. Белого.

Собственно литературный «петербургский текст» накрывает и ошеломляет читателя. «Герои романа Курицына, — пишет О. Богданова, — словно бы эксплицируют метафизику Петербурга, порожденную предшествующими столетиями, веками рождения и взросления города <...>, романист выписывает “петербургский текст” весело, шутя, привнося в него эпизоды “осовременивания”» [Богданова, 2008, с. 30]. Со страниц романа предстает «город-музей», «город-аттракцион», «город-декорация», город-призрак, город-монстр, «с гнутыми каналами», состоящий из «кривых кусков» [Тургенев, 2007]. Однако город-миф, город-легенда остается всего лишь пространством, в котором совершаются и реальные, и ирреальные события.

Как справедливо замечает А. Урицкий, смысловые пласты романа, «сталкиваясь, порождают дикую какофонию, сопровождаемую шумом стилистических экспериментов, но на выходе дающую, как ни странно, ощущение художественной и человеческой значимости, парадоксально соединенное с тревожащей внутренней пустотой» [Урицкий, 2008, с. 342].

Писатель-постмодернист искусно играет со слухами и легендами о времени блокады, штампами и клише шпионских романов, при этом совершенно не скрывая от читателя своего отношения к описываемому как к мелодраме, «вмышленном любовному роману литературных героев, фоном для которого послужили блокадные дни города» [Богданова, 2008, с. 34].

В романе А. Тургенева полностью снимается официальный миф, исчезает пафос, новый культурный миф сознательно редуцируется, происходит его намеренное «олитературивание».

Роман-фэнтези о Великой Отечественной войне. Бестселлером 2009 года стал роман-фэнтези Ильи Бояшова «Танкист, или “Белый тигр”». Главный герой романа — спасенный из обгоревшего танка и чудом выживший танкист, чья война с этого момента заключается в том, чтобы найти и уничтожить неуловимый вражеский танк. Единственное, что сохранила его выжженная память, — имя врага: «Белый тигр», адская машина, неуязвимый танк-Призрак. После своего второго рождения Иван Найденов обретает способность понимать язык танков. Ванька-Смерть чувствует приближение врага по «смраду, знакомому еще с Курской дуги»: «Он-то, единственный, знал — Призрак не мог раствориться в небытии. Окруженный развороченными Т-34, “Белый тигр” трубил в страшный рог своего ствола там, посреди полей Сандомира, и никакие бушующие вокруг огнемётные и орудийные вихри не могли теперь помешать им столкнуться» [Бояшов, 2008, с. 15].

Согласно канону чрезвычайно популярного в массовой литературе романа-фэнтези, советский солдат должен был бы предстать Воином Света, а его противник — воплощением Зла, пусть и в виде фантастического белого танка без опознавательных знаков. Но Бояшов сохраняет эпическую беспристрастность, не нагружая свой роман идеологией. У фэнтези он берет самое главное: детально и с любовью воссозданную иную реальность. Иная реальность интересна читателю сама по себе, независимо от перипетий сюжета и психологии персонажей. Вещный (предметный) мир иной реальности описан Бояшовым подробно и достоверно. Читатели романа с удовольствием отмечают, в частности, такую особенность: характеристики экспериментальных моделей Т-34 читаются залпом, как «список кораблей» у Гомера.

Бояшов точно угадал момент: война с уходом поколения фронтовиков на наших глазах из живой памяти перемещается в хранилище сюжетов и образов для литературы и искусства, становясь благодатным материалом для конструирования иной реальности.

Военно-фантастический экшн-боевик. Необходимо указать на еще один важный аспект рассматриваемой проблемы: тема Великой Отечественной войны, отношение к нашей Победе были и остаются краеугольным камнем в формировании и упрочении российской идентичности.

Не только осмысление современности через другую историческую эпоху, но осмысление себя сегодняшнего через опыт своего предшественника на этой земле предельно актуализировали такой способ художественной коммуникации, как альтернативно-историческая фантастика, тиражирующая героев-«попаданцев» [Тагильцев, 2012, с. 96]. В ряду таких произведений среди первых следует назвать военно-фантастический экшн-боевик Вадима Полищука, дилогию «Зенитчик» (2012).

Деловая поездка героя на поезде «Москва — Варшава» оборачивается странствием по фронтовым дорогам Белоруссии 1941—1942 годов. Перенесенный из нашего времени на поля Великой Отечественной, он проходит сквозь все круги

военного ада и, чудом выжив в мясорубке 1941 года, возвращается обратно к привычным занятиям, к своей работе, в свою уютную квартиру с Интернетом. Но, как покажет время, тому, кто опалён войной, уже невозможно вернуться к мирной жизни: его безудержно влечёт назад на передовую.

В современной массовой литературе и российском кинематографе существует и успешно функционирует целая библиотека / фильмотека о героях-«попаданцах»: сериал «Туман», фильмы «Мы из будущего», «Мы из будущего 2» и многие другие. Их влияние на формирование гражданского сознания молодежной аудитории заслуживает отдельного разговора. Подчеркнем, однако, что популярность того или иного культурного продукта определяется совпадением / несовпадением с горизонтом ожидания потребителей. Для коммерческого успеха обязательным условием является удовлетворение читательского / зрительского ожидания увлекательного авантюрно-приключенческого сюжета, присутствие непобедимого главного героя и непременно хороший финал. Законы функционирования массовой литературы подчиняются социальной потребности в символическом укрощении (и упрощении) окружающей действительности.

4. Выводы

Временная дистанция, сделавшая Великую Отечественную войну недоступной для сопереживания новым поколением, предоставляет возможность для произвольных интерпретаций исторических событий, открывает простор для авторского воображения и художественного экспериментирования.

На литературные формы, реализующиеся в популярных текстах, кардинальным образом влияет социокультурная ситуация, когда масскульт проникает во все сферы жизни, включая политику. Массовая литература по-своему комментирует все аспекты современной жизни, формируя определенный контекст ценностей. Эксплуатируя материалы недавнего прошлого, она участвует в моделировании и переосмыслении идеологических и ценностных ориентиров общества, в формировании новой идентичности.

Стратегии художественной репрезентации военной тематики в массовой литературе весьма разнообразны. Рассказ о прошлом ведется на языке нового времени, в ситуации эстетического плюрализма, дискурсивной свободы, жанровых смешений, сращений, скрещений. Жанровый диапазон популярных текстов 2000-х годов можно очертить следующим образом: это вольные фантазии в мистическом духе, альтернативный вариант истории Великой Отечественной, постмодернистская историческая мелодрама, игровой кинематографический роман, роман-фэнтези, военно-фантастический экшн-боевик и т. п.

Во всех вариантах мы имеем дело с сознательной «фантазийной» обработкой исторических фактов, созданием альтернативных версий минувшего. Великая Отечественная война, констатирует современный исследователь, превращаясь в источник сюжетов, переживает «авторедукцию, упрощение, предшествующее окончательному сворачиванию исторического факта до “ярлыка”, репрезентирующего это событие в коллективной памяти последующих поколений» [Загидуллина, 2009, с. 45].

Однако подчеркнем еще одно важное обстоятельство: преследуя развлекательные цели, занимаясь литературными играми, современная альтернативно-историческая беллетристика бессознательно транслирует страхи и тревоги, порожденные травматическим опытом истории XX века. В таком ракурсе постоянное переписывание мифа об историческом событии видится одной из форм эскапизма, бегства от пугающего настоящего и одновременно указывает на проблему дефицита художественного осмысления сегодняшнего дня в отечественной литературе.

Источники

1. *Анисимов С.* Вариант “Бис” / С. Анисимов. — Москва : АСТ, Ермак, 2003. — 544 с.
2. *Бояшов И.* Танкист или “Белый тигр” / И. Бояшов. — Москва : Лимбус-Пресс, 2008. — 170 с.
3. *Пепперштейн П.* Мифогенная любовь каст / П. Пепперштейн, С. Ануфриев. — Москва : Ad Marginem, 1999. — 800 с.
4. *Полищук В.* Зенитчик. Боевой расчет «попаданца» / В. Полещук. — Москва : Эксмо, 2012. — 384 с.
5. *Тургенев А.* Спать и верить : Блокадный роман / А. Тургенев. — Москва : Эксмо, 2007. — 384 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова О. В.* «Спать и верить» Андрея Тургенева («Блокадный роман» Вячеслава Курицына) / О. В. Богданова // Художественные стратегии современной русской прозы. Лит. напр. и теч. Выпуск 12. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. — С. 15—34.
2. *Загидуллина М. В.* Мифологизация «недавнего прошлого» как генератор сюжетов «массовой литературы» / М. В. Загидуллина // Культ-товары : Феномен массовой литературы в современной России : сборник статей. — Санкт-Петербург : СПГУТД, 2009. — С. 25—32.
3. *Иванова Н. Б.* В полосу, клеточку и мелкий горошек. Перекодировка истории в современной русской прозе [Электронный ресурс] / Н. Б. Иванова. — Режим доступа : <http://znamlit.ru/publication.php?id=707>.
4. *Маркова Т. Н.* Русская военная проза 1990—2000-х годов / Т. Н. Маркова // Филологический класс. — № 1 (39). — 2015. — С. 12—16.
5. *Немзер А. С.* Несбывшееся : Альтернативы истории в зеркале словесности («Ромат» Пьецуха, «Остров Крым» Аксенова, «Москва 2042» Войновича, «Палисандрия» Соколова) / А. С. Немзер // Замечательное десятилетие русской литературы. — Москва : Захаров, 2003. — С. 19—42.
6. *Смирнов И. П.* Мегаистория / И. П. Смирнов. — Москва : Аграф, 2000. — 544 с.
7. *Тагильцев А. В.* «Туман войны» : образ Великой Отечественной войны в современной массовой литературе / А. В. Тагильцев // Филологический класс. — № 3 (29). — 2012. — С. 94—97.
8. *Урицкий А.* Такая странная (страшная?) игра ... (Рецензия на книгу : Тургенев А. Спать и верить : Блокадный роман. М., 2007) / А. Урицкий // НЛО. — 2008. — № 3. — С. 339—342.

9. Черняк М. А. «Проработка прошлого» (Отечественная война в зеркале современного маскульта) / М. А. Черняк // Филологический класс. — 2010. — № 23. — С. 67—69.
10. Чупринин С. И. Русская литература сегодня : жизнь по понятиям / С. И. Чупринин. — Москва : Время, 2007. — 768 с.

ARTISTIC RECONSTRUCTION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MODERN MASS LITERATURE

© Tatyana N. Markova (2019), orcid.org/0000-0001-7911-2424, Doctor of Philology, professor, Head of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education “South Ural State Humanitarian Pedagogical University” (Chelyabinsk, Russia), tn_markova@inbox.ru.

Variants of artistic reconstruction of the events of the Great Patriotic War in modern mass literature are considered. The material is multi-genre texts of the 2000s: an alternative version of the history of the Great Patriotic War, free-thinking fantasies in a mystical spirit, a postmodern historical melodrama, a fantasy novel, a military-fantasy action movie. Particular attention is paid to the national bestsellers of the 2000s: novels by A. Turgenev (V. Kuritsyn) “Sleep and Believe: Blockade novel” and I. Boyashov “Tanker, or “The White Tiger.” It is shown that A. Turgenev in his work combines the legends of the besieged time with the cliches of a spy novel and love melodrama. I. Boyashov is the author of the story of the duel of a Russian tanker and a German miracle tank in the form of modern fantasy. The article affirms the idea that with the leave of the generation of front-line soldiers, the war moves from living memory into a repository of plots and images for literature and art, and becomes fertile material for constructing a different reality. It is hypothesized that mass literature, reconstructing the facts and events of the recent past, is involved in modeling and rethinking the ideological and value orientations of society and the formation of a new identity.

Key words: mass literature; The Great Patriotic War; alternative historical fiction; new identity.

MATERIAL RESOURCES

- Anisimov, S. (2003). *Variant “Bis”*. Moskva: AST, Ermak. (In Russ.).
- Boyashov, I. (2008). *Tankist ili “Belyy tigr”*. Moskva: Limbus-Press. (In Russ.).
- Peppershteyn, P., Anufriyev, S. (1999). *Mifogennaya lyubov’ kast*. Moskva: Ad Marginem. (In Russ.).
- Polishchuk, V. (2012). *Zenitchik. Boyevoy raschet «popadantsa»*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Turgenev, A. (2007). *Spat’ i verit’: Blokadnyy roman*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).

REFERENCES

- Bogdanova, O. V. (2008). «Spat’ i verit’» Andrey Turgeneva («Blokadnyy roman» Vyacheslava Kuritsyna). In: *Khudozhestvennyye strategii sovremennoy russkoy prozy. Lit. napr. i tech., 12*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 15—34. (In Russ.).
- Chernyak, M. A. (2010). «Prorabotka proshlogo» (Otechestvennaya voyna v zerkale sovremennogo maskulta). *Filologicheskiy klass*, 23: 67—69. (In Russ.).
- Chuprinin, S. I. (2007). *Russkaya literatura segodnya: Zhizn’ po ponyatiyam*. Moskva: Vremya. (In Russ.).

- Ivanova, N. B. *V polosku, kletochku i melkiy goroshek. Perekodirovka istorii v sovremennoy russkoy proze*. Available at: <http://znamlit.ru/publication.php?id=707>. (In Russ.).
- Markova, T. N. (2015). Russkaya voyennaya proza 1990—2000-kh godov. *Filologicheskij klass, 1* (39): 12—16. (In Russ.).
- Nemzer, A. S. (2003). Nesbyvsheyesya: Alternativy istorii v zerkale slovesnosti («Rommat» Pyetsukha, «Ostrov Krym» Aksenova, «Moskva 2042» Voynovicha, «Palisandriya» Sokolova). In: *Zamechatelnoye desyatiletie russkoy literatury*. Moskva: Zakharov. 19—42. (In Russ.).
- Smirnov, I. P. (2000). *Megaistoriya*. Moskva: Agraf. (In Russ.).
- Tagiltsev, A. V. 2012. «Tuman voyny»: obraz Velikoy Otechestvennoy voyny v sovremennoy massovoy literature. *Filologicheskij klass, 3* (29): 94—97. (In Russ.).
- Uritskiy, A. (2008). Takaya strannaya (strashnaya?) igra ... (Retenziya na knigu: Turgenev A. Spat' i verit': Blokadnyy roman. M., 2007). *NLO, 3*: 339—342. (In Russ.).
- Zagidullina, M. V. (2009). Mifologizatsiya «nedavnego proshlogo» kak generator syuzhetov «massovoy literatury». In: *Kult-tovary: Fenomen massovoy literatury v sovremennoy Rossii: sbornik statey*. Sankt-Peterburg: SPGUTD. 25—32. (In Russ.).